

В. В. ЦЕЛИЩЕВ**«ВСЕ МЕМУАРЫ ЛОЖНЫ. ЭТО СТАРЫЙ ТЕЗИС...»****Автобиографическое интервью¹**

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-140-164

Смирнов С. А.: Итак, начинаем наш разговор с Виталием Валентиновичем Целищевым. Я бы хотел начать с уведомления. Виталий Валентинович, ситуация такая: обычно мы к философам относимся как к мыслящим людям, создающим свои произведения. Когда мы вспоминаем Гегеля, мы начинаем обсуждать его «Науку логики». А вот опыт философских автобиографий у нас обычно воспринимается как такая вишенка на торте. И как некий частный случай – ну, это капризы человека, подробности его частной жизни, сколько у него там было жён, сколько незаконнорожденных детей и проч. И зачастую сводим автобиографию к жизни обы-

вателя. И в этом смысле жизнь философа ничем не отличается от жизни, я не знаю, инженера, учителя, врача.

Но есть и такое допущение, что философская автобиография – это особый опыт, так скажем. И в этом плане как Вы относитесь к философским автобиографиям? Для Вас это тоже вишенка на торте или это то, чего, вообще-то говоря, зачастую не хватает для понимания, собственно, опыта философствования конкретного автора? И такого опыта не так много: настоящих хороших философских автобиографий. Как Вы к этому относитесь, к опыту написания философских автобиографий?

Целищев В. В.: Скорее всего, как к некоему смешанному варианту. Сказать жёстко о том, что философская стезя сильно определяла житейские обстоятельства или, наоборот, житейские обстоятельства сильно влияли на философию – сказать нельзя. Но, конечно, некоего рода обстоятельства житейские всё-таки сильно влияли и на выбор проблематики, и на выбор карьеры. Тут надо признать – да. Но это ведь перечень полуслучайных, или, как говорят философы, контингентных обстоятельств жизненных. Поэтому трудно перечислить их все. Но я могу сказать только одно. Конечно, значительную роль играет стечение обстоятельств. Например, я попал еще студентом в Институт

¹ Целищев Виталий Валентинович, научный руководитель, основатель и первый директор Института философии и права СО РАН, доктор философских наук, профессор. Интервью записано 22 марта 2019 года. Разговор провел д. филос. н. С. А. Смирнов. Интервью проведено в рамках грантового проекта «Философская автобиография как метод антропологической навигации» при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124).

ядерной физики. Тогда мы, студенты НЭТИ, были приглашены Г. И. Будкером, тогдашним директором, для того чтобы там стажироваться.

Смирнов С. А.: Вы ведь закончили НЭТИ. Да?

Целищев В. В.: Совершенно верно. Да.

Смирнов С. А.: Первое образование у Вас было фактически инженерное.

Целищев В. В.: Совершенно верно. Но дело заключалось в том, что с третьего курса нас взяли в Институт ядерной физики, и прямо там нам читали лекции тамошние гранды, среди которых был сам директор, академик Г. И. Будкер, будущий академик, «лучший ректор» Новосибирского государственного университета С. Т. Беляев, будущий академик, тогда доцент Б. М. Чириков, и многие молодые звезды. Лекции велись с 9.00 до 11.00 и с 17.00 до 19.00. А в середине и после – работа в лабораториях. Формально мы были студентами НЭТИ. Мы были первым набором того, что потом стало физико-техническим факультетом.

Смирнов С. А.: Да, физтех.

Целищев В. В.: Мы были первые самые, да. И там была философия на 4-ом курсе. Философию нам пришел читать преподаватель НГУ (член кружка М. А. Розова) Игорь Алексеев...

Смирнов С. А.: Игорь Серафимович у вас вёл занятия?

Целищев В. В.: Да. И поскольку я к тому времени уже был более-менее как-то философствующий (я много читал, на самом деле), он познакомил меня с такими людьми, как Г. П. Щедровицкий и М. В. Попович, которые приезжали в Новосибирск на конференцию в 1964 г. И когда я обратился через 2 года к Поповичу на предмет аспирантуры, он сказал: «Давай, зову к себе».

Смирнов С. А.: Но он позвал Вас туда – в Киев?

Целищев В. В.: В Киев, да.

Смирнов С. А.: И там уже был П. В. Копнин?

Целищев В. В.: Копнин был заведующим отделом, куда я поступил в аспирантуру, а также директором Института философии АН УССР, но через год он стал директором уже Института философии АН СССР в Москве.

Смирнов С. А.: Но до Киева он был в Томске.

Целищев В. В.: Но томскую часть его жизни я просто не знал. Копнин всегда слегка опережал консервативную часть философского сообщества, играл с ним и властями на грани, и выигрывал. Парадоксально, что томский и киевский этапы его карьеры считались опалой, из которой он выходил победителем.

Смирнов С. А.: Получается, что сразу со студенчества Вы попали в хорошие руки, такие имена и такие места....

Целищев В. В.: Да, конечно, и места были, безусловно. Да, конечно.

Смирнов С. А.: В этой связи, можете ли Вы назвать момент жизни, когда Вы поняли, что Ваша биография – это биография философа? Это как-то фиксируется?

Целищев В. В.: Это был момент, когда я получил письмо от Поповича: «Зову-зазываю». Тогда стало ясно. Потому что до этого времени я был сотрудником Института автоматики, и своё будущее представлял смутно. Хотя уже на втором курсе вуза я начал читать книги, причём на иностранном языке.

Смирнов С. А.: А английский у Вас как-то в НЭТИ был уже, Вы английский так классно знали уже тогда?

Целищев В. В.: Пришлось. Потому что напротив центрального почтамта была ГПНТБ, на третьем этаже там был читальный зал...

Смирнов С. А.: ...особый зал, где были книги для...

Целищев В. В.: Книги по МБА, межбиблиотечный абонемент. Система работала предельно чётко: через 2 недели ты получал книгу из Москвы.

Смирнов С. А.: Можно было заказать и получить.

Целищев В. В.: Да. И пришлось мне знать английский. Потому что книги были на английском языке. И я быстро освоился с языком. Потому что на русском языке хороших книг по философии практически не было, немногие книги были с грифом «для научных библиотек». Достать эти книги было трудно, но в библиотеках они действительно были. И первой моей настоящей книгой из этой серии была «История западной философии» Бертрانا Рассела. Много лет спустя я заново отредактировал её перевод, и с тех пор в этом виде она переиздавалась много раз. Это великая книга.

Позднее я ознакомился с другим видом запрета на чтение, а именно, с книгами с грифом «для служебного пользования», на которых ставился особый штамп, так называемый «шестигранник». Хранились эти книги, именно «хранились», в «спецхранах» библиотек.

Так что, к тому времени, когда Игорь Алексеев привёл меня, студента, в кружок Миши Розова, я много чего прочитал.

Смирнов С. А.: Так что Вы в кружок Розова в 60-е годы ходили?

Целищев В. В.: Начиная с 1964 года по 1967 – да, три года я там фактически был активным участником. А потом я уехал в аспирантуру в Киев.

Смирнов С. А.: Я-то этот кружок застал уже потом, когда Михаил Александрович уехал в Москву, и Сталина Сергеевна Розова продолжала семинарить. Это уже был поздний период. А в 60-70-е год кружок был очень активным.

Целищев В. В.: Да, я застал и этот этап, когда вернулся из Киева. Я очень хорошо знал участников семинара, у меня сложились очень дружеские отношения со всеми ими, это были по-настоящему славные ребята, Гуваков Володя, Игорь Алексеев, Наль Хохлов. Вся эта компания собиралась сначала на квартире у Розова, потом – на квартире у близкого друга Сталины Сергеевны – Желтухина Николая Алексеевича.

Смирнов С. А.: Это членкор, который работал в «шаражке» с самим С. П. Королевым.

Целищев В. В.: Да. Вот там часто собирались. Для меня, молодого, никак не была понятна система отношений: кто кого любит, я был самым молодым, и конечно же самым житейски глупым. *(Смеются)*.

Смирнов С. А.: Наль Александрович Хохлов как-то сказал мне, что Сталина Сергеевна похожа на чеховскую «душечку». Она с новым своим любимым (после отъезда М. А. Розова в Москву) была так же предана и так же жила его жизнью.

Целищев В. В.: Да, звали его Митрофанов. Похоже, у него была масса эзотерических идей касательно образа жизни, и они вместе увлеклись этими идеями. Но все это я уже знал понаслышке, поскольку после возвращения из Киева я жил уже в другом социуме.

Смирнов С. А.: Но надо отдать должное Сталине Сергеевне, при всех раскладах она была душой семинара.

Целищев В. В.: Да, она была настоящей хозяйкой, даже временами кормила участников семинара.

Смирнов С. А.: Хозяйка. И в этой связи, Виталий Валентинович, вообще-то говоря, у меня такое ощущение возникло, что Ваши-то философские интересы радикально расходились с программой семинара Розовых.

Целищев В. В.: Они радикально расходились. Потому что мне было как неوفиту очень интересно, что делается в широком мире. А «розовский» семинар был, так сказать, не то что местечковым (он и был местечковым, поскольку тогда других семинаров не было), но они ориентировались на самоанализ и такие вещи, которые мне были не очень понятны. И программа семинара имела очень много общего с действиями Г. П. Щедровицкого.

Смирнов С. А.: Георгий Петрович – это страница отдельная. Но всё-таки Розов не «щедровитянин». Трудно его назвать его последователем.

Целищев В. В.: Я читал последние очерки Миши. У него были противоречия, да. Но я думаю, что все-таки его программа была сильно вторичной.

Смирнов С. А.: Вторичной?

Целищев В. В.: Конечно. Да, я думаю.

Смирнов С. А.: Он-то пытался отработать свою концепцию, теорию социальных эстафет.

Целищев В. В.: Теория эстафет пришла позднее.

Смирнов С. А.: Но это такая же самостоятельная штука?

Целищев В. В.: Это самопал полный.

Смирнов С. А.: Самопал. Трудно найти какую-нибудь традицию, чтобы он на ней стоял, чтобы были какие-то истоки...

Целищев В. В.: Да. Вот Игорь Алексеев был более подвижным в этом отношении. Я помню, как он одно время увлекся поздним Л. Витгенштейном, или объявлял себя субъективным материалистом (остальные три комбинации слов с материализмом и идеализмом в связи с объективностью и субъективностью были уже заняты). К тому же он непрерывно фрондировал в университетском комсомоле, со всякого рода последствиями. Ему было немного узко в философской ортодоксии.

Смирнов С. А.: Он потом уехал в Москву. Кстати, рано умер, от рака. Он как раз на семинаре был ярым поклонником Щедровицкого и отстаивал деятельностьную онтологию и методологию. И в этом они даже расходились, как мне кажется, с Розовым. Мне кажется, у Розова была какая-то странная позиция. Он говорил, что он тоже деятельностник. Но какой-то он все-таки... Коль скоро он дружил с учеными-естественниками, то натурфилософский контекст всё равно, мне кажется, сквозил у него.

Целищев В. В.: Да. Хороший термин, на самом деле. В этом смысле у него был натурфилософский уклон. Но не потому, что он с кем-то был знаком и так далее.

Смирнов С. А.: Да, без оценок.

Целищев В. В.: Да. А просто потому, что он был в этом смысле натурфилософом.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Например, я помню, что он для анализа научной методологии на семинаре взял некий учебник С. М. Тарга по механике. И его интересовал способ изложения, каким образом текст этот анализируется. Такого рода деконструкция проводилась. Но это было дико скучное занятие. Потому что на самом деле: ну, и дальше что?

Смирнов С. А.: Да. Что с этим делать? Ну, деконструировал, дальше что?

Целищев В. В.: Оригинальный текст, да. И что? Вот такие методологические принципы. Но всё то было дико скучно, конечно. В этом всё дело.

Смирнов С. А.: И в этом смысле вы получали драйв от зарубежных философов.

Целищев В. В.: Да. У меня были свои герои.

Смирнов С. А.: Свои герои. И чем они Вас задели? Тем, что там было очень всё глубоко и конкретно и на хорошем математическом аппарате? У этих зарубежных героев?

Целищев В. В.: Как я уже говорил, только я окончил школу, в первое лето мне попала книга Б. Рассела «История западной философии. И я был потрясен, на самом деле. Потому что одно дело – десятиклассник с «золотой» медалью, а другое дело – свежий взгляд абсолютно. Ходил в библиотеку читал (другого варианта не было), и почти дословно переписывал в тетрадь. И поэтому, конечно, я понял, что мир-то широк. А когда я с кучей вещей познакомился, с иностранной литературой – мир стал совсем широк. А здесь был кружок, с самопальными идеями, но всё-таки философский кружок, где я наивно отставивал необходимость соотнесения здешних обсуждений с мировыми тенденциями. Я был самым молодым, наверное, таким, с их точки зрения, перспективным. Но я совершил «подлую измену» и уехал к Поповичу в Киев. *(Смеются)*.

Смирнов С. А.: Через Рассела и пошли в аналитическую философию.

Целищев В. В.: Да, – математическая логика, точная философия и так далее, и так далее.

Смирнов С. А.: Вернёмся к теме автобиографии. У западных авторов есть тоже такой опыт, например, дневники Л. Витгенштейна (которые Суровцев перевел и издал), или «Неоконченный поиск» К. Поппера. Так называемая интеллектуальная автобиография. Не так давно она вышла в переводе, в 2014 году. Как Вы относитесь к этому желанию таких философов-аналитиков, логиков сесть и начать писать автобиографию? Они что-то недосказали в своих интеллектуальных поисках, что-то недоговорили?

Целищев В. В.: Я думаю, что такого рода автобиографии, конечно, – это некий нарратив, когда вы знаете твердо, каким должен быть конец. Нарратив имеет начало, середину и конец. В этом смысле, когда такие люди, как Поппер, пишут автобиографии, это нарратив: он знает хорошо, к чему он придёт.

Смирнов С. А.: Жизнь прошла, и он всё вспоминает, потом подводит к...

Целищев В. В.: К определённом концу, который он знает. Да, совершенно верно. Это нечестно, на самом деле.

Смирнов С. А.: А если не знаешь?

Целищев В. В.: Вот Витгенштейн, когда писал дневники, не знал, на самом деле. В этом смысле они поэтому и более спонтанные.

Смирнов С. А.: Он же в окопах сидел. Он же как бы не был ещё готовым философом. И Витгенштейн не того типа автор. Он всегда не знал, к чему придёт. Да?

Целищев В. В.: Да. Все мемуары, они все в определённом смысле ложные. Потому что даже Рассел, который трехтомные мемуары написал, на самом деле, как выяснилось, грешил неточностями, недоговоренностями. Много утеряно, многое скрыто и так далее. Там другая картина. А с Поппером – тем более. Посмотрите только на слегка ироническое описание Дж. Хорганом

его интервью с Поппером (в книге Хоргана «Конец науки»²). Только сейчас вышел мой перевод Альберто Коффа «Семантическая традиция от Канта до Карнапа»³. Это фактически документированная история Венского кружка (идейная история), где показано, что Поппер ещё раннего периода, ещё 30-х годов, был совсем другим человеком, каким он себя потом стал считать. Поэтому все мемуары ложны. Но это старый тезис, на самом деле.

Смирнов С. А.: То есть здесь ничего...

Целищев В. В.: Ловить тут нечего, да. Интересные факты есть, конечно. Но в целом...

Смирнов С. А.: То есть автору не избежать этого тупика? Всё равно он приходит к своей красивой картинке о самом себе?

Целищев В. В.: Ведёт к определённом концу, да. Совершенно верно, да. Примерно так.

Смирнов С. А.: На самом деле врёт.

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: А И преодолеть это невозможно? Или мы не знаем другого прецедента? Или как?

Целищев В. В.: Я думаю, что преодолеть невозможно.

Смирнов С. А.: Потому что ты всё равно находишься в тисках образа Нарцисса?

Целищев В. В.: Например, когда я прочитал биографию Рассела, я был в восторге. Потому что Рассел был (да и сейчас остаётся) моим кумиром. Но когда я впоследствии говорил с людьми, которые лично знали Рассела и Витгенштейна (например, Георг Крайзель – знаменитый математический логик), я понял афоризм «Не сотвори себе кумира». Крайзель рассказал, что как-то Рассел, чрезвычайно остроумный человек, говорил перед публикой, а затем вышел и спросил собеседника: ««Ну, как? Я произвёл на них впечатление?». Я был в шоке. Это как будто Бог вышел и сказал: «Ну, как, ребята, я произвожу впечатление?»».

Смирнов С. А.: Да, падение кумира. А что было после Киева?

Целищев В. В.: Я вернулся в Новосибирск после защиты кандидатской, и проработав год в НГУ, в 1970 поступил в организованный тогда отдел философии Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Главой отдела прислали из Москвы некоего Свечникова Геннадия Александровича, такого диаматчика, проработавшего некоторое время в ЦК КПСС. Можете представить себе такую фигуру? Он был абсолютно невежественным в отношении всего, что выходило за пределы «Краткого курса». С собой привёз своего аспиранта-туркмена, которого поставил наблюдать за остальными. М. А. Лаврентьев, вынужденный завести философов, как говорят, требовал, чтобы тот не ругал кибернетику. Директор Института, знаменитый археолог П. А. Окладников, был более чувствительным к таким ортодоксальным фигурам как Свечников, поскольку сам в своё время попал под раздачу во время разборок

² Хорган Д. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. М.: Амфора, 2001.

³ Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / пер. с англ. В. В. Целищева; Сер. Библиотека аналитической философии. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – 528 с.

с марризмом, и моментально возненавидел Свечникова. А поскольку я был белой вороной в отделе, которого активно выживали, Окладников взял меня под своё крыло. Когда Свечников внезапно умер, я стал заведующим, защитил докторскую, и очень быстро набрал способных ребят. Мы были молодыми и амбициозными и на самом деле сделали очень много.

Смирнов С. А.: Чем вы занимались уже в этом молодом составе?

Целищев В. В.: Фактически, мы затронули в своих исследованиях самые интересные направления в аналитической философии. Это были вопросы соотношения логики и онтологии, подстановочной квантификации, игровой интерпретации кванторов, интерпретация модальной логики, семантика возможных миров, французский структурализм, логическая семантика и т. д. И это был не просто «треп» – мы написали полтора десятка книг...

Смирнов С. А.: Вам спокойно позволяли заниматься этими вещами в то время?

Целищев В. В.: Как я потом узнал, за нами (по крайней мере, за мной) закрепился в определённых кругах ярлык «буржуазного философа», что в то время имело отнюдь не иронический привкус. Но Окладников, который смеялся над разделением на марксистскую и буржуазную философию, был нашей «крышей». Однажды он очень развеселился, когда до него донесли перл Свечникова, который сказал о своем туркмене: «Резван улла Султанович иностранных языков не знает, и поэтому он истинный марксист».

Смирнов С. А.: То есть, вы были таким изолированным кружком, островком энтузиастов западной философии?

Целищев В. В.: Как мы говорили, мы делали всё, что хотели, потому что были далеко от Москвы. Но это же обстоятельство сыграло плохую роль – здесь то, что мы делали, не находило никакого особого отклика. Здесь нужны были так называемые «методологические семинары». Это когда философы шли в «ученый люд» в институтах научного центра и вели с ними философские беседы, естественно, ортодоксального толка. Забавно, но оказалось, что этот самый «ученый люд» охотно довольствовался таким суррогатом натурфилософии с идеологическими придыханиями, и вовсе не стремился выходить за пределы банальностей. Так что мы через некоторое время, очнувшись от истинно научного «запоя», обнаружили себя в одиночестве. Через некоторое время часть народа эмигрировало в Москву, и начался распад группы, завершившийся присоединением отдела к социологам, которые вели этнологические исследования народов Сибири.

Смирнов С. А.: Окладникова тогда уже не было?

Целищев В. В.: Да, он умер в 1981 г. Через полтора года директором Института стал А. П. Деревянко, имевший совсем другой взгляд на «буржуазных философов». Стоит заметить, что незадолго до этого он проработал секретарем по идеологии в ЦК ВЛКСМ, что говорит о многом.

Смирнов С. А.: И это был некоторого рода конец проекта?

Целищев В. В.: Именно так. Кризис проекта совпал с кризисом мужчин среднего возраста, и я решил разрубить гордиев узел «эмиграцией», приняв предложение Председателя СО АН академика В. А. Коптюга, поехать атташе по науке и технике Посольства СССР в Румынии. Я уже выполнял по его просьбе дипломатические миссии. Например, в составе делегации во главе с будущим академиком В. Е. Накоряковым в послевоенном Вьетнаме, была попытка при-

мирить естественников с обществоведами, бывшими генералами. Надо заметить, что Румыния тогда, резко дистанцировавшись от СССР, была местом «встреч» самых разных мировых конфликтных сторон, со всеми соответствующими особенностями работы дипломатов, о которых говорить ещё рано. Хотя мы и отвлеклись от философской траектории, хочу заметить, что я попал на некоторое время из огня да в полымя: послом был бывший шеф Деревянко по комсомолу, зловещая фигура даже по цеховским понятиям Е. М. Тяжельников. До следующего философского проекта нужно было ждать почти полтора десятка лет.

Смирнов С. А.: Вернёмся тогда в прежние времена. Вы же не ограничили себя только лишь своим первым проектом? Были же связи, защиты диссертаций, «внутривидовая» борьба. Как Вы себя позиционировали в те ранние годы? Вы довольно рано опубликовались в «Вопросах философии», и судя по всему, с подачи А. А. Зиновьева.

Целищев В. В.: Да, он был инициатором её публикации.

Смирнов С. А.: Он был у Вас ещё и оппонентом на защите кандидатской диссертации.

Целищев В. В.: Да, я хорошо помню, как мы с Мирославом Поповичем ездили в Москву для получения согласия Зиновьева на оппонирование. Он, конечно же, в детали не вникал, но отметил на защите, что такая работа могла сойти и за докторскую.

Смирнов С. А.: Когда же это было?

Целищев В. В.: Это 1968 год.

Смирнов С. А.: А Вы читали его кандидатскую, ещё тогда, которая в Москве ходила по рукам в машинописной рукописи, его «Восхождение от абстрактного к конкретному»?

Целищев В. В.: Нет, конечно. Нет, нет. Я думаю, что он и сам уже, так сказать, не был от этого всего в восторге. Он в то время был логиком, и очень жёстким.

Смирнов С. А.: Да. Но, заметьте, основатели Московского методологического кружка, Щедровицкий и другие, говорили, что в основании кружка были идеи Зиновьева, дальше Щедровицкий, Мамардашвили, Грушин.

Целищев В. В.: Ну, такова устойчивая легенда о людях, которые постепенно выпрягались из теней официальной идеологии. Но думаю, что там было много и других людей, менее «презентабельных», что ли. Потому что эти умели себя подавать.

Смирнов С. А.: Зиновьев один из первых, практически параллельно с Э. В. Ильенковым, они написали две кандидатских. И обе – по «Капиталу», пытаюсь вытащить оттуда некую логику мысли как принцип логического мышления, то есть восстановить мысль Маркса, что называется. И все они потом годами, десятилетиями про это вспоминают.

Целищев В. В.: Я думаю, что, на самом деле, они сделали то, что было позволено в рамках тогдашних условий. И ни о чём другом они говорить не могли, кроме Маркса. Но, честно говоря, я как тогда, так и сейчас, просто не понимаю всего этого контекста с попытками извлечь особую логику из классиков марксизма, помимо следования правилам принятой игры в ортодоксию на грани фола.

Смирнов С. А.: Это был вынужденный выбор того, о чём можно было говорить.

Целищев В. В.: Конечно. Но была еще одна особенность московской интеллектуальной жизни, работа в кружках, с явными лидерами. Кстати, по этому же образцу создались и другие кружки, например, «розовский» в Новосибирске. Не уверен, что это была лучшая форма самоорганизации философов, поскольку личности лидеров слишком сильно довлели над его участниками. Стоит только вспомнить характеры Зиновьева, Щедровицкого. Иногда это была странная смесь прагматизма и идеологической одержимости, например, у Ильенкова, который демонстрировал такую истовость.

Смирнов С. А.: Истовый гегельянец был.

Целищев В. В.: Да. Г. С. Батищев на слуху был, и так далее.

Смирнов С. А.: Батищев – его ближайший ученик...

Целищев В. В.: Но всё это было в условиях жесткого давления партийных органов, директоров, которые были так далеки от философии, как это было возможно вообще. Так что нельзя переоценивать важность того, что делали эти молодые философы, подготавливая почву для дальнейшего «свободомыслия».

Смирнов С. А.: Вот хорошо бы. Но печаль в том, что они ведь друг с другом почему-то не сильно дружили.

Целищев В. В.: Это вполне естественно. Все хотели быть главными, или первыми...

Смирнов С. А.: ... «щедровитяне» не переносили «ильенковцев» и наоборот. Зиновьев вообще одинокий волк, и послал там всех потом. Ну, и водку пил много, это понятно.

Целищев В. В.: Но тут нет, опять-таки, ничего удивительного. Все как положено.

Смирнов С. А.: Что же мешало им слышать друг друга? Только личные амбиции?

Целищев В. В.: Я расскажу одну историю. Когда я приехал с Поповичем вербовать Зиновьева на роль оппонента, мы пошли всей компанией, несколько человек, в гости к В.А. Смирнову.

Смирнов С. А.: Тому самому, логику...

Целищев В. В.: Тому самому, да, Владимиру Александровичу, который вместе с Зиновьевым претендовал на имя «фюрера» советской логики. И там произошла гигантская ссора, свидетелем которой я оказался.

Смирнов С. А.: Между Смирновым и Зиновьевым.

Целищев В. В.: Да... Как я помню, ругань была основательной. Камнем преткновения, как и положено у русской интеллигенции, было понятие «порядочности человека». В контексте порядочности в философии.

Смирнов С. А.: То есть спорили не по существу, а сугубо по своим амбициям?

Целищев В. В.: Конечно. И когда Смирнов сказал, что есть очень жесткий критерий, что такое «порядочный человек». Это те люди, которые бывают у него в гостях.

Смирнов С. А.: Вот так.

Целищев В. В.: Тут Зиновьев взвился, и беседа пошла на очень высоких тонах, и они окончательно рассорились. Это был последний визит. Всё. После этого они уже не контактировали. Это были амбиции лидеров.

Смирнов С. А.: Но если взять все-таки содержание, Зиновьев как математический логик Вам был интересен?

Целищев В. В.: Нет, конечно.

Смирнов С. А.: Он же фактически тоже делал самопал.

Целищев В. В.: Безусловно. Он был крайне оригинален. Это типичная ситуация с русской гениальностью, на грани такого житейского «солипсизма».

Смирнов С. А.: Это был самопальный вариант?

Целищев В. В.: Да. Это самопальный вариант, совершенно верно. У него была совершенно оригинальная концепция логики, которая никак не была увязана с текущими мировыми исследованиями. Когда он был выслан из СССР...

Смирнов С. А.: Ну, тогда он вообще в литературу ушел.

Целищев В. В.: Не сразу, поначалу он попытался поставить себя как логика. И в Варшаве, по-моему, был какой-то симпозиум, он вышел с докладом, и его, деликатно говоря, не приняли во внимание. То есть он понял, что на самом деле его оригинальность тут не будет поддержана. И тогда он ушёл в социологию.

Смирнов С. А.: Причем тоже в самодельную. Это же не та социология, которая...

Целищев В. В.: Я не уверен в значимости того, что он писал. Я знал его лично, бывал у него дома, и беседовал с ним, ходя по Москве. И многое из того, что было в разговорах, я увидел в его книгах. На самом деле, это всё были заготовки, всё это вертелось, у него великолепная память была. И всё это потом ушло в социологию. И я уверен, что вскоре никто и не обратит внимания на его книги.

Смирнов С. А.: Очень жаль. Мужик-то одарённый.

Целищев В. В.: Ну, это типичный одарённый русский мужик с трудно предсказуемым поведением. Я помню, как мы стояли с ним на верхнем этаже Института на Волхонке, и в контексте беседы он громко на всю лестницу произносит «Когда Сталин сдох...». Я озираюсь по сторонам, такая вполне обыденная реакция, с одновременным восхищением смелостью человека. А по приезде он говорит и пишет нечто другое, расхваливая русскую революцию, которая обеспечила социальный лифт таким как он, одним из пятерых детей бедной семьи, и фактически реабилитируя Сталина. То, что он потом считал себя выше таких резких дихотомий как сталинист/либерал, не прибавляло уверенности в его искренности.

Смирнов С. А.: Но он вроде бы осознавал это. Он же написал потом «Исповедь отщепенца». Он же по жизни отщепенец. Или это поза?

Целищев В. В.: Это поза. Потому что на самом деле у него был более серьёзный тезис о том, что мир его не интересовал, он формировал его под себя. Если под себя делаешь мир, чего ты удивляешься, что ты отщепенец?

Смирнов С. А.: Тогда не удивляйся, как к тебе относятся. Да. Но есть и другая фигура, Георгия Петровича Щедровицкого, который очень сильно его уважал как чуть ли не старшего брата и учителя.

Целищев В. В.: Георгий Петрович, по-моему, никого не уважал, кроме себя.

Смирнов С. А.: Георгий Петрович? Ну, во всяком случае, опять вопрос, насколько он был искренним. В своих воспоминаниях он Зиновьева постоянно вспоминает добрым словом.

Целищев В. В.: Они были почти однокурсниками. Там почти рядом.

Смирнов С. А.: Ну, Щедровицкий 1929-го года рождения, а Зиновьев постарше...

Целищев В. В.: 1921-го.

Смирнов С. А.: Он с 1922-го.

Целищев В. В.: : Ну, да...

Смирнов С. А.: Он же повоеовать успел, как и Ильенков. Ильенков с 1924 года.

Целищев В. В.: Повоеовать успел, да.

Смирнов С. А.: Поэтому это всё-таки уже другое поколение. Те-то – фактически военное поколение молодых лейтенантов. А эти уже помоложе. Поскольку в окопах не сидели. Так вот в этой связи, когда Иосаф Семенович Ладенко, его младший товарищ, сюда приехал, очень много стал проводить конференций, семинаров. И к нему, естественно, приезжал Щедровицкий. И тоже, наверное, пытался как-то здесь укоренить свои идеи. Вот Вы с ним общались? Вы с ним как-то пересекались?

Целищев В. В.: Нет. Я только видел его (причем он ко мне как-то благожелательно отнесся) на той конференции 1964 года. Потом я периодически видел его, но никак уже не общались.

Смирнов С. А.: Сначала же была первая конференция, по-моему, по логике и методологии науки в Томске в 1961 году.

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Потом в Киеве в 1962-м. Потом у нас...

Целищев В. В.: В 1964-м.

Смирнов С. А.: А потом, по-моему, в 1967-м.

Целищев В. В.: Может быть, да.

Смирнов С. А.: И Ладенко постоянно по этому поводу публиковал тезисы и прочее. Вот эта активность, она как-то отражалась, как Вы думаете, на Академгородке? Или эти приезды никак не влияли?

Целищев В. В.: На самом деле, что такое философия в Академгородке, если честно?

Смирнов С. А.: Это отдельная тема.

Целищев В. В.: Это отдельная тема. Поэтому, в принципе, вряд ли кто мог замечать всё это, что здесь происходило.

Смирнов С. А.: Это были такие внутренние междусобойчики?

Целищев В. В.: Внутренние междусобойчики. Тем более, что Михаил Розов почему-то стеснялся публичности, у него был пунктик какой-то насчёт этого, он не был трибуном, он был идейным организатором.

Смирнов С. А.: Да, это так.

Целищев В. В.: Фактически некая уязвимость какая-то в нём была. Слабое место, уязвимость.

Смирнов С. А.: А, то есть он чувствовал, что он здесь слабее.

Целищев В. В.: Он слабее, да. Он вторичен.

Смирнов С. А.: И по содержанию.

Целищев В. В.: И по содержанию, да. Потому что рядом был Игорь Алексеев, который на самом деле был этакого рода кошкой, которая гуляла сама по себе, так сказать.

Смирнов С. А.: И он был ярче.

Целищев В. В.: Он был ярче, конечно. Был Хохлов, который артистичен был, вообще.

Смирнов С. А.: Само обаяние. Он бы смог обаять любого.

Целищев В. В.: Да. Так что там были люди, которые не были подвластны гипнозу создания маленькой ячейки со странной программой. Но было много других людей, которых видели в деятельности кружка нечто глубокое, не обладая стремлением обзавестись знаниями, выходящими за пределы узкой проблематики. После переезда М. А. Розова остались люди, которые либо не защитились, либо чувствовали себя покинутыми. В некотором роде такие кружки всегда несут на себе отпечаток секты. И Миша Розов был главой секты. Недаром, в последующих воспоминаниях участники говорили о «теневой» стороне⁴.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Целищев В. В.: Налицо была ситуация изоляции от того, что можно назвать мировой философией. Некоторые члены кружка чувствовали это. Например, Игорь Алексеев некоторое время носился с идеей языковых игр Витгенштейна, приспособливая ее к концепции деятельности. Мне такая изоляция претила, и я радостно уехал в Киев, где Копнин давал расцветать «ста цветам».

Смирнов С. А.: И потом в своих сборниках «на теневой стороне» они всё это вспоминали. Но дело в том, что продолжения-то не видно. Его, наверное, поэтому и нет.

Целищев В. В.: Потому что теневая-то сторона была не очень-то теневой в том смысле, что там не было прямого противостояния с господствующей идеологией.

Смирнов С. А.: Зачем умножать вторичное дело, если оно изначально...?

Целищев В. В.: Организатор всего этого дела Щедровицкий. Это, конечно, харизматическая личность была.

Смирнов С. А.: Вот в этой связи. Дело в том, что еще с конца 50-х он разрабатывал тоже параллельно свою содержательно-генетическую логику. Сугубо по содержанию это тоже самопал?

Целищев В. В.: Это самопал в самой что ни на есть самопальности. Я думаю, что это была некая попытка, так сказать, сделать себе нишу. Потому что нужно было, в любом случае, определяться с каким-то направлением.

Смирнов С. А.: Поиск своей философской лазейки?

Целищев В. В.: Да, да. Логика-то вполне respectable слово.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Есть такая параллель. Возьмем важную фигуру мировой философии – Р. Рорти, которого все, включая его самого, называют прагматистом. Он постоянно говорит: «Мы, прагматисты» и прочее. На самом деле, как полагают серьезные исследователи, его философия никак не является продолжением философии У. Джеймса или даже Д. Дьюи. Неопрагматизм Рорти – это желание вписать себя в канон. Так что это старая стратегия: вы должны обязательно изобрести себе канон. Вот человек изобрел себе канон – генетическая логика. В то время в ходу была диалектическая логика.

Смирнов С. А.: Да, Ильенков развивал.

Целищев В. В.: Это было на слуху, где-то рядом, так сказать, мы ходим, только новое.

Смирнов С. А.: Но потом он сам-то от неё отказался.

⁴ См.: На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: НГУ, 1996

Целищев В. В.: Да это было ему... Я думаю, что это был самопал, который сыграл свою роль.

Смирнов С. А.: И пошёл дальше.

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: СМД-методология – это всё-таки уже тем более совсем другое направление.

Целищев В. В.: Другое направление.

Смирнов С. А.: И отношение к ней разных научных сообществ сложное, так скажем.

Целищев В. В.: Но сейчас они Щедровицкого как воспринимают? Как некоего крайне харизматичного организатора движения.

Смирнов С. А.: Вот смотрите, в своё время, когда В. А. Лефевр, один из его младших товарищей, говорил: «Влияние Щедровицкого похоже на влияние Рассела». Вот даже так. Ну, может быть, это и перебор.

Целищев В. В.: Я думаю, это преувеличение крупное.

Смирнов С. А.: Я имею в виду, что именно обаяние и харизма личности во многом позволяла что-то делать...

Целищев В. В.: Ну, конечно, движение-то заметное, особенно в сфере крайне неопределенной, сферы человеческой жизни, названной щедровитянами «Методологией» (с большой буквы). Он был двигателем. Это ясно, как божий день.

Смирнов С. А.: Я имею в виду всё-таки содержательный вклад в методологию науки и философию, он соразмерен его обаянию?

Целищев В. В.: Нет, конечно.

Смирнов С. А.: Или из-за обаяния сильно преувеличиваем его содержательный вклад?

Целищев В. В.: Трудно сказать. Кто может определить сейчас эти вещи?

Смирнов С. А.: Кто оценит? Это пока трудно сказать?

Целищев В. В.: Да и...

Смирнов С. А.: Я к чему? Биография ведь и складывается как раз из этих событий, из следов, из вкладов. Если след – это всего-навсего обаяние, а содержание самопальное, тогда что же остаётся?

Целищев В. В.: Тут есть некое противоречие. Потому что Щедровицкого сейчас воспринимают как человека, который сумел создать костяк (или не костяк – структуру, каркас, некого рода группу), кредо которых выразить крайне затруднительно, на самом деле. Но, тем не менее, твёрдая группа. Например, есть какие-нибудь школы, где директора занимаются мыследеятельностью со страшной силой.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: И в этом всё дело. Что это такое – определить очень трудно, на самом деле. Но есть некое обаяние или некое, так сказать, очарование в таких вещах, которые на самом деле полупонятны. Наверное, так, да.

Смирнов С. А.: Меня-то он сильно в то время задел своим тезисом: нет ничего, кроме мышления и действия. И ты начинаешь думать: что это означает? Когда особенно с ним общаешься. Но у Вас есть очень мощный эпизод, большой эпизод – Ваш семитомник. Я уже Вам в письме написал, если честно, это я не льщу, я не знаю другого такого прецедента такой плотной и глубокой связи философа с иными областями, вот в данном случае – с математикой.

Понятно, здесь и фигура Ю. Л. Ершова, это понятно. Но вот, например, М. А. Розов тоже пытался общаться с естественниками, биологами, математиками. Свою теорию социальных эстафет он же строил на научном материале. И фактура у него была сугубо из тех наук. Но он всё равно был чужой для них.

Целищев В. В.: Ну, да. Ну, да.

Смирнов С. А.: В данном случае означает ли это, что философ тогда должен знать язык того собеседника (в этом смысле – математику) так же глубоко, как и тот же Ершов? Если не буквально в деталях, но также чувствовать нутро, материал.

Целищев В. В.: Ну, проблема признания специалистом-ученым философов – это трудная проблема. Потому что на самом деле воспринимают в основном как? В лучшем случае – как младших братьев, что называется.

Смирнов С. А.: Да. Или как тех, кто задним числом пытаются как-то интерпретировать научный материал.

Целищев В. В.: Поэтому, в принципе, проблема того, чтобы быть на равных, – очень сложная проблема. Мы с Ершовым знакомы давно. Меня познакомил Гуваков. Володя Гуваков.

Смирнов С. А.: Помню я его. Он умер. Он уехал в Москву, работал в ВШЭ.

Целищев В. В.: Да. Мы были очень близкими друзьями.

Смирнов С. А.: Он потом ушёл в политехнологии.

Целищев В. В.: Володя никогда не был...

Смирнов С. А.: Вообще-то говоря, в философии ему было тяжело, мне кажется.

Целищев В. В.: Он простоват был. Вы меня извините. Но просто да, очень хороший парень, но...

Смирнов С. А.: Он не нашёл себя, по большому счету.

Целищев В. В.: Я как директор Института организовал ему защиту докторской. Он часто употреблял слова и имена, типа «Хайдеггер», и наивно полагал, что с этим он и выйдет на защиту. Но он предпочёл говорить о каких-то проблемах медицины. Но у Гувакова была как раз потрясающая способность проникновения в разные круги – он со всеми был, так сказать, в ладах.

Смирнов С. А.: Да, замечательная способность.

Целищев В. В.: Он со всеми в ладах был. Он всё и всех знал. Абсолютно потрясающе знал всех. Помню, например, встречу на его квартире со Б. Стругацким.

Смирнов С. А.: Да. Всех знал. И его все знали, да.

Целищев В. В.: Да, а Ершов тогда был в зените славы. Молодой человек, который доказал очень важную теорему о так называемых p -адических числах.

Это некие особые числа, порождаемые структурой. Очень важную теорему доказал, на самом деле. Очень важную. И я как-то попросил нас познакомиться. Мы познакомились, осторожно так. Но потом Ершов понял, что я в этом немножко понимаю, так сказать. Мы делали семинары долго, в 80-е годы. В 2000-е возобновили контакты. И тогда я написал 7 книг⁵, а Ершов очень осторожен в сотрудничестве, он даже отказывал своим близким друзьям, чтобы подписывать совместные работы.

Смирнов С. А.: Ага.

⁵ Целищев В. В. Философия математики. Новосибирск: Наука, 2002.

Целищев В. В.: Когда я написал все эти книги, он был впечатлен настолько, что он попросил сделать большую книгу. Это четыре моих книги в компактном варианте.

Смирнов С. А.: А, четыре здесь...

Целищев В. В.: Четыре. То, что он согласился, и то, что он был инициатором, на самом деле, – это признание некоего паритета.

Смирнов С. А.: Хорошо, философ должен понимать в данном случае язык математики. А математик должен понимать язык философии?

Целищев В. В.: Он просвещенный мужик был.

Смирнов С. А.: В этом смысле только тогда можно понимать?

Целищев В. В.: Конечно. Он читающий человек, совершенно, да. Он просвещенный математик. Это редкое явление, на самом деле. В этом смысле он, конечно, на голову выше, чем его собратья-академики.

Смирнов С. А.: И поэтому это редкий случай такого сотрудничества.

Целищев В. В.: Это редкий случай.

Смирнов С. А.: Это прецедент такой. Да?

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Но, совершившись, этот прецедент тогда и задает планку.

Целищев В. В.: Ну да. В этом смысле – да.

Смирнов С. А.: А с чем связан успех этого прецедента? Так просто получилось? Вы были готовы к этому, и Ершов был готов.

Целищев В. В.: Нет, мы долго, фактически несколько лет мы делали семинары, раз в две недели. Друг к другу притирались, долго уже. Это с 80-х годов шло.

Смирнов С. А.: Но в 90-х годах, у Вас была констатация, в своих «Записках семидесятника» Вы заметили: «Эти восхитительные темы особо никого особо не интересуют. И наши достижения тех лет остались практически невостребованными»⁶. Сейчас такая же ситуация?

Целищев В. В.: Может быть, хуже. *(Смеются)*

Смирнов С. А.: Но уже и 90-е прошли, и «нулевые» прошли.

Целищев В. В.: Понимаете, какая ситуация? Трагедия в том, что точная философия (называйте как аналитическая, точная и так далее), она в этом смысле в Советском Союзе почти умерла. И в России умерла. Почему? Потому что, если посмотреть на студентов-философов (не обязательно Новосибирского университета – любого), то, на самом деле, выбираются темы, которые не требуют знания логики, математики и так далее. Это вполне понятно. Потому что, например, в Советском Союзе по статистике 87% диссертаций были по научному коммунизму. Со степенями философскими. История философии – 3%, логика – 0,5%.

Смирнов С. А.: Да. Но даже тогда, после войны, по решению Сталина логика преподавалась в школах. Тот же Щедровицкий был учителем логики в школе. И Зиновьев тоже. И там какая-то, более-менее, жизнь была.

Целищев В. В.: Мой брат (он на 4 года старше меня) изучал логику в школе, а я – уже нет.

Смирнов С. А.: Вот. Я к тому, что если нет её нигде, то что бы они выбирали, студенты, кроме...?

⁶ Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: ОмегаПресс, 2014. С. 20.

Целищев В. В.: Если Вы зайдёте на защиты диссертаций бакалавров в Новосибирский университет, если вы посторонний человек, вы не поймете, что идут защиты по философии.

Смирнов С. А.: К сожалению, да, я согласен абсолютно. Это просто непонятно что. Это просто бла-бла-бла.

Целищев В. В.: Это непонятно, что. Это даже квалифицировать-то бесполезно.

Смирнов С. А.: Так это, в том числе, относится и к квалификации преподавателей.

Целищев В. В.: Да, да, да.

Смирнов С. А.: Они же либо моралисты, либо идеологи, либо болтуны, извините. Есть профессионалы, но их мало.

Целищев В. В.: Совершенно верно. Да.

Смирнов С. А.: Чему они научат? В том смысле, что сам предмет отсутствует. И тогда что там говорить о студентах?

Целищев В. В.: Да. Совершенно верно.

Смирнов С. А.: И сейчас ещё хуже. А плюс к этому, языки не знают.

Целищев В. В.: Нет, они язык знают. Но это shop-talk.

Смирнов С. А.: Язык такой – day by day, что называется, для повседневной тусовки.

Целищев В. В.: Да, что-то вроде этого. Примерно так.

Смирнов С. А.: Это проблема. И в этом смысле вопрос остаётся не только актуальным, но, может быть, ещё более тяжелым. Вы же написали в статье 19 лет назад: «Можно ли изучать полноценно современную философию без чтения серьёзных книг?». Тогда у нас, Вы говорите, был популярен одно время М. Фуко и все франкофоны, даже немцы. А вот с аналитической философией дело всегда было тяжелым.

Целищев В. В.: Однажды мне на глаза попала программа то ли Кембриджа, то ли Оксфорда, в которой указан список книг, обязательных для прочтения, то я обнаружил, что на русском языке существует максимально 12-15% от этого списка. Сейчас ситуация немного изменилась, много чего переведено. И здесь я внёс значительную лепту, на моём счету около 20 переводов хороших книг. Но всё равно ситуация позорная. Потому что, например, французы переводят великолепно. И, судя по всему, французское посольство, по крайней мере, некоторое время поддерживало все эти вещи.

Смирнов С. А.: Да. Многие книги изданы при их финансовой поддержке.

Целищев В. В.: Сейчас не пишут. Может быть, сейчас и нет такой поддержки. Но, может быть, косвенная поддержка и есть. А здесь ничего нет совершенно, вообще. Но ведь понятно, почему. Французы озабочены продвижением собственной культуры.

Смирнов С. А.: Это, наверное, еще и исторически связано с французской культурой с России. А вот с англо-саксонской у нас всегда было тяжелее. Хотя в своё время Петр Чаадаев учился у англичанина на чистом английском языке.

Целищев В. В.: Он поэтому и написал сумасшедшее письмо.

Смирнов С. А.: А написал он это всё на французском. *(Смеется)*

Целищев В. В.: Нет, он всё правильно сказал, на самом деле.

Смирнов С. А.: Да. И в этом плане, наверное, нам не хватает именно подобного рода вещей. И тогда, Виталий Валентинович, грустная ситуация по-

лучается. Ключевые собеседники находятся за границей? Жить здесь в городке, при этом твои собеседники живут там, в Финляндии или в Америке. Здесь фактически общения почти нет.

Целищев В. В.: На конгрессе, когда мы сделали конгресс? В 2009 году мы сделали?

Смирнов С. А.: Это который философский? Да, в 2009. Пятый конгресс.

Целищев В. В.: Да. Там был некий Свидерский, советолог, если по-русски говорить. Он знает русский язык. Он швейцарец. И мы как-то ходили, беседовали. Когда он понял, чем я занимаюсь, он меня спросил: «Вам здесь не одиноко?»

Смирнов С. А.: Вот.

Целищев В. В.: Правильно, одиноко. Конечно. Да.

Смирнов С. А.: А с другой стороны, ведь другого-то выбора нет. Если ориентируешься на мировые образцы, то это значит, ты вынужден признать такие правила игры, ты вынужден пойти на интеллектуальное одиночество.

Целищев В. В.: Очень точная формулировка, да. Спасибо. Да.

Смирнов С. А.: Где-то так получается. И это удел нормального философа с хорошими амбициями.

Целищев В. В.: Да. Называть это «подвижничеством» будет неправильно. Потому что никакого подвижничества тут нет. Это экзистенциальная ситуация, в чистом виде. Но она отягощена ещё всякими семейными, экономическими факторами и так далее.

Смирнов С. А.: И это есть. Но, во-первых, это ситуация самоопределения: что мне делать, если я что-то хочу сделать по-настоящему, по-крупному?

Целищев В. В.: Да. Примерно так, да. Я хочу сказать следующее. Мне очень нравится афоризм: «Обозревая собственную жизнь, она окажется тебе обязательно цепью тотальных поражений». Эту фразу я очень люблю. Жизнь окажется цепью непрерывных поражений. Потому что, видимо, задумки подспудные были совсем другими, а кончается так, как оно кончается. Можно, конечно, перечислить свои достижения: то, другое, третье, четвертое, пятое. Но это будет не искренне, на самом деле. Потому что, по большому счету, конечно, многое не сделано, хотя у тебя громадная потенция. Или много сделано не так. Но это относится не только к творчеству. Это относится и к личной жизни, на ком женился, как получилось и т.д....

Смирнов С. А.: Да. Личная жизнь...

Целищев В. В.: Предательство или дружба бывших друзей. По-разному.

Смирнов С. А.: В этом плане, возвращаемся к началу: настоящая философская автобиография – это как раз и есть цепочка таких поражений и их осознание.

Целищев В. В.: Да, да, да.

Смирнов С. А.: Тогда и получишь.

Целищев В. В.: Можно сказать и так. Хорошо формулируете. Совершенно верно, да. Это сплошная цепь поражений. Потому что в 70-х мы сделали очень много. Когда я выехал в США в 1977 году, когда я там был, я знал очень знатных людей, суперлюдей, самых больших. Я имел отдельные разговоры с У. Куайном и Х. Патнэмом в Гарварде. Когда я, будучи в Калифорнийском университете в Ирвайне, спросил своих американских коллег о том, есть ли смысл просить у Куайна аудиенцию, они были весьма скептически, упомянув его консервативность и прямо антисоветизм. А время-то было 1977 год. Я всё равно написал ему, и он ответил, думаю, весьма удивленный просьбой русского фи-

лософа, что ждёт меня в Кембридже тогда-то и тогда-то. Он мало с кем беседует, и думаю, что в его согласии был элемент удивления. Это удивление, что в СССР занимаются аналитической философией, было повсеместно. У меня был долгий разговор в доме Дэвида Каплана, который никак не мог поверить в то, что мне никто не препятствует на родине. Не препятствовали, но и предпочитали просто не замечать до поры до времени.

Когда я говорил о проблематике наших исследований, реакция была примерно такой, какая была у знаменитого американского логика Сола Крипке. Я попросил у него статью, громадная статья, страниц на 100, он прислал её письмом и написал: «Никогда не думал, что этими вещами занимаются по ту сторону Атлантики». До сих пор у меня хранится это его письмо. Это означало высшую степень признания. Ну и что? И кому всё это нужно здесь? Выяснилось, что в Москве-то никто не заметил. А если заметили, то типа В. А. Смирнова, которые были очень ревностны в этом отношении. Потому что он был «фюрером» по своему признанию. Поэтому он считал людей, которые независимы, просто своими личными врагами. В этом вся беда была.

Смирнов С. А.: Да. Это беда, конечно. Что я ещё хотел спросить? Вообще-то говоря, в кружке Розова был активный участник, его друг Тыщенко Владимир Петрович. Они же учились вместе, в Ленинградском университете. Вторым: он, Сталина и Михаил Александрович.

Целищев В. В.: Да? Я не знал.

Смирнов С. А.: Они вместе учились в Ленинградском университете, закончили его. На одном курсе. И так получилось, что они потом здесь оказались в одном городе. Тыщенко совсем другой человек. И он меня ввёл в философию. Совсем другого типа. Я вошёл в философию через Бахтина, через других авторов. Русских в основном. Через Флоренского и так далее. И так получилось, что я на Розова вышел через Тыщенко. И больше общался, конечно, с Владимиром Петровичем. А Вы с ним общались, с Тыщенко?

Целищев В. В.: Нет. Практически нет. Мы много раз встречались и у Розова, и у других. Нет. Практически нет.

Смирнов С. А.: И как автор, разумеется, он Вас никак не задевал.

Целищев В. В.: Нет. Мы разные совершенно...

Смирнов С. А.: Совершенно разные миры фактически. Да?

Целищев В. В.: Миры разные даже. Да. Даже не тематика разная, а вообще миры разные.

Смирнов С. А.: Точки пересечения непонятно какие.

Целищев В. В.: Никаких, да, совершенно. Точкой пересечения было то, что я ряд книг издал у его сына.

Смирнов С. А.: Да, Андрей Владимирович, известный издатель. Конечно. Это естественно. Вот так получилось, что дети у него пошли своей дорогой. Нина у него хозяйка частной школы, а Андрей издатель много лет. А у меня-то вот с Тыщенко были долгие-долгие годы роста. Но потом мы идейно разошлись. Но дело не в этом. Ему уже где-то 89-й. Вы же моложе.

Целищев В. В.: Я думаю, лет на 10.

Смирнов С. А.: Он же белорус. Он в оккупации жил под немцами.

Целищев В. В.: Он, наверное, 1930-го года, скорее всего.

Смирнов С. А.: Да, именно. Ему староста скостил три года и поэтому спас. В Германию не угнали. У него по паспорту один возраст, а по факту он старше.

Целищев В. В.: Значит, 88 будет⁷.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Но он мало коммуникабелен.

Смирнов С. А.: Вот. Хотя одна из любимых его тем – это тема диалога. Но вот насчёт диалога очень сложно. С одной стороны, декларируется диалог. С другой из него просто прёт монологом своё содержание, и собеседника он почти не слышит. Есть такой момент. Это удел любых увлечённых или это просто элементарная культура?

Целищев В. В.: Я думаю, второе.

Смирнов С. А.: Ты увлекайся, хорошо. Но если ты хочешь, чтобы тебя слышали, сделай паузу, послушай.

Целищев В. В.: Во-первых, он был, с моей точки зрения, очень высокомерен в своём увлечении. При первом взгляде на него и при последнем взгляде ясно, что тебя он вряд ли услышит. Потому что он мономаньяк такой. Он в некоторые вещи верит, или, не знаю, не верит, а увлечён ими, и дальше бесполезно что-то обсуждать. И он всегда приходил на кружок Розова угрюмым, молчал, а потом если он говорил, то как-то, на самом деле, всё это шло полностью вразрез.

Смирнов С. А.: Да. И с Розовым он постоянно спорил. Хотя лично они дружили. Но там они тоже не находили общего языка, как-то всё не получалось.

Целищев В. В.: Розов, кстати, был очень чувствителен к возможным соперникам. Понимаете? В этом всё дело. Но он не соперник был, потому что он всё время играл.

Смирнов С. А.: Да? Ему всё равно было?

Целищев В. В.: Ему всё это до лампочки было.

Смирнов С. А.: Ему не хватало иронии.

Целищев В. В.: Да, поэтому ирония. Поэтому вся эта мудрость философская ему была не очень интересна. *(Смеются)*

Смирнов С. А.: Зато он со студентами хорошо возился. Его любили студенты.

Целищев В. В.: Да нет, он же шоумен.

Смирнов С. А.: Да, да.

Целищев В. В.: Это шоумен великолепный, да. Поэтому Игорь Алексеев, кстати, был реальным соперником.

Смирнов С. А.: Ага?

Целищев В. В.: Но он быстро уехал. Какие-то у него сложные отношения были с женщинами, непрерывные женитьбы его. Так и что с Тыщенко? Что вы хотели сказать про Тыщенко?

Смирнов С. А.: Потом он ушел в соционику. И пошел, извините, бред.

Целищев В. В.: И пошёл по шпалам. Сошел с рельсов. Да, ясно.

Смирнов С. А.: Очередной самопал. Он считает, что это его универсальный инструмент, он всю мировую философию упаковывает в матрицу соционики. Плюс к этому, соционик поженит на астрологии. У него там сплошные знаки зодиака.

Целищев В. В.: Это ужас. Почему человек входит в этот клинч и увлекается этим? Ну, во-первых, он изолирован. Его крайняя серьёзность. Потому

⁷ Владимир Петрович Тыщенко скончался 10 мая 2020 года. Материалы, посвящённые его памяти, см. в отдельном разделе этого номера журнала.

что, мягко говоря, он маньяк. Вряд ли ему нужен критик. Вряд ли он критически относится к вещам. Вот то, что Вы говорите, очень важно. Мои претензии были к Розову (к кружку): самопально всё это. Я так и говорил: ребята, я хочу знать, что пишут по этому поводу другие, знаменитые философы и так далее.

Смирнов С. А.: Для этого надо быть открытым.

Целищев В. В.: Открытым. Совершенно верно. Да.

Смирнов С. А.: Почему претендуют на самопал? Потому что считает, что он избобрёл великое? Опять самоиронии не хватает?

Целищев В. В.: Да, и всё. Очень жесткая методология. Изучаем, как я уже говорил, учебник по механике некоего Тарга. В этом изложении Розов хочет узреть какую-то особую методологию, но через анализ текста. Я не представляю, что там можно извлечь. Это дико скучно, конечно, было. Ужасно скучно было. И Тыщенко, конечно, в этом смысле с горящим взглядом. Да, я вспомнил соционику. Вспомнил. Совершенно верно. Я тоже был поражен. Где-то мы слушали его, я не помню, на каких-то чтениях. Не помню. Но вряд ли он кому-то хотел чего-то доказать. Потому что он был самодостаточен.

Смирнов С. А.: Но тоже ведь ещё один случай такого увлечения, которое доводит до...

Целищев В. В.: Да. Почему мы с Игорем сошлись? Потому что Игорь был человеком широких интересов. То Витгенштейн ему нравился, то он говорил: «Давай напишем в энциклопедию статью по времени» и так далее. Он был в этом смысле широким, прыгал туда-сюда. Такой увлекающийся человек. А Миша Розов другого темперамента был.

Смирнов С. А.: А что дальше с Игорем Алексеевым?

Целищев В. В.: Он был сложным человеком, играя всегда на грани фола. Например, он был важной общественной фигурой в университете, связанной с ВЛКСМ.

Смирнов С. А.: А, он был комсомольский вожак.

Целищев В. В.: Вожак и диссидент, понимаете? И многие считают, к сожалению (я не знаю), что на самом деле Игорь играл амбивалентную роль в этой сфере.

Смирнов С. А.: Ах, и это ещё?

Целищев В. В.: Вот он участвовал в сборе всяких подписей, в протестах. Игорь балансировал на грани изгнания из партии. Но были и не очень приятные эпизоды, когда в момент апогея студенческих волнений (хотя тут не было таких), но некоего такого беспокойства, приезжал первый секретарь обкома, Горячев, был такой, и студенты спросили (а на то время был как раз апогей, когда Игоря Алексеева гнобили официальные власти), кто-то из студентов спрашивает: «Как вы относитесь к Игорю Алексееву?». «А что, – говорит Горячев, – Игорь Алексеев хороший человек, вчера он прислал мне телеграмму с поздравлением на день рождения».

Смирнов С. А.: Тут-то он его и выдал. *(Смеется)*

Целищев В. В.: В этом всё дело. Понимаете? Тут много чего было. Потому что очень многие студенты, которые пошли за Игорем Алексеевым, сгорели. Кто-то получил, если не срок, но, по крайней мере...

Смирнов С. А.: Ну, такая подстава была серьёзная.

Целищев В. В.: Подстава, да. А Игорь Алексеев выходил сухим из воды, из всех передрыг... Так что его отъезд из Городка был не так уж и случаен.

Но к тому времени мы потеряли какую-либо связь, хотя некоторое время были друзьями, несмотря на разницу в возрасте в 10 лет.

Смирнов С. А.: Да. Я Вас не спросил ещё про одного человека, я с ним дружил – Ладенко Иосаф Семёнович. Хороший человек был?

Целищев В. В.: Хороший человек был. Да.

Смирнов С. А.: Но ведь опять, смотрите, его интеллектика – опять самопал.

Целищев В. В.: Самопал.

Смирнов С. А.: Вот кого ни возьми – опять какое-то изобретение. Какой-то постоянный кружок самостоятельности.

Целищев В. В.: Это самопал, да.

Смирнов С. А.: Хороший человек, добрый, беззащитный. Я с ним даже дружил. Он, кстати, мне подарил зиновьевскую диссертацию. Ту самую рукопись. На папиросной бумаге такая, знаете, копия там пятнадцатая.

Целищев В. В.: Да, сейчас это смешно.

Смирнов С. А.: Да. Но он так ею дорожил: «На вот, возьми. Мы учились на этом». Но когда начинаешь его читать и слушать его выступления, не можешь понять: что такое, про что это? Какая реальность за этим стоит? Он что хочет понять, сказать?

Целищев В. В.: Это самопал. Почему, когда говорят – Щедровицкий, движение, которое он инициировал, то на самом деле у меня такое ощущение, что Щедровицкий гораздо более глубоко по замыслу всё это делал. Возможно, его сама методология, философия не интересовала. Тут выступал перед нами где-то года полтора-два назад его сын, Петр, и он прямо говорил, что главная-то проблема заключалась в организации групп.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Это влияние так называемое.

Смирнов С. А.: Это влияние.

Целищев В. В.: Влияние, давление. Да, влияние его интересовало гораздо больше, чем всё остальное. И методология построения групп – великолепная методология.

Смирнов С. А.: Так они потом и игры запустили, на играх вербовали новых агентов.

Целищев В. В.: Да игры до сих пор живы. И еще как живы, что называется. Поэтому в этом смысле – да, наследие огромное. Тут мы однажды спорили. Что ж это такое было? А у Петра юбилей был. Я сидел в Москве в это время, у нас съезд был, это года два назад было, и читал, что Петр говорил: не дарите мне машины, у меня уже есть. А ему машины дарили. И завязался разговор у меня с людьми, знающими Москву, сами москвичи. И я выясняю и говорю: «Да наверняка Петр в чести у С. В. Кириенко». У того самого, бывшего премьера, нашего нынешнего заместителя главы администрации Президента.

Смирнов С. А.: Петр же долгие годы был советником у Кириенко в Росатоме.

Целищев В. В.: Так в этом всё дело. Я говорю собеседнику: наверняка Петр там под влиянием Кириенко, которому приписывают страсть к методологии. А мне говорят: всё наоборот. Вполне возможно, что Щедровицкий-сын играет гораздо более важную роль. Так что семья Щедровицких – это очень почтенная семья.

Смирнов С. А.: Отец-то у него был известный, из советских руководителей, создателей авиапрома.

Целищев В. В.: Поэтому, в принципе, старые московские генеалогические связи – это первое, это доминирует над всем. Поэтому организация влияния – это многофакторное дело. А вот вторичность приводит к самопалу. Скажем, у тех, которые следуют за Щедровицким, и у Розова этот самопал получился, и у Ладенко – самопал. Потому что, во-первых, это не соотносимо с общемировыми стандартами, с тем, как нужно делать философию. Согласитесь, в этом всё дело.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Или другой, тоже как-то в философии, методологии не нашедший своё место. Хотя при этом в кружке они начинали, например, с математики греческой, античной.

Смирнов С. А.: Это Михаил Александрович?

Целищев В. В.: Нет, Розов, который Коля...

Смирнов С. А.: А, Николай Сергеевич.

Целищев В. В.: Да. У него есть какие-то там булевы алгебры, которые он взял для подсчета исторических событий. Это полная мура, извините. (*Смеются*). Он там говорит, мол, это математика. Я говорю: «Какую ж ты математику используешь? Просто это уже не то, что прошлый век, это уже полтора столетия назад». Он говорит: «Нет». Выяснилось, они с Ладенко всё это дело ещё изучали, применяли булевы таблицы. Ну, это уже смешно, так сказать. Есть статистические методы, которые на слуху у всех. Поэтому, конечно, Ладенко харизматичен был. Хотя и был слеп.

Смирнов С. А.: Да, это его личная трагедия. Она очень сильно повлияла. Но ведь пытался держаться. Для него методология была опорой, попыткой держаться.

Целищев В. В.: Да. Наверное, да. Нет, чтобы слепой человек поехал в Москву один – абсурд. Как это?

Смирнов С. А.: Да, да, да. Ему нужна была опора.

Целищев В. В.: И у него методика была такая. Он приходил, садился к министру (или, там, замминистра), укоренялся в кресло. И его принять надо было. Потому что он мог целый день сидеть спокойно совершенно. Так что такая тактика.

Смирнов С. А.: Ясно.

Целищев В. В.: Мне очень нравится, что Вы говорите. Да, что ни возьми – то самопал. Вот почему? Да, вот это любопытно. И это было очень обидно. Потому что, в принципе-то, как я считаю, когда мы основывали философский факультет в НГУ, то главным мотивом было сделать так, чтобы не быть маргинальными. Надо как-то сделать так, чтобы мы не были маргиналами философии, как-то так, чтобы была тематика серьезная.

Смирнов С. А.: Вот как раз насчет судьбы философского факультета. Долгое время она была просто магистратурой. Так ведь?

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Это ведь не так давно было.

Целищев В. В.: Ну, шесть лет.

Смирнов С. А.: Все-таки действительно, вопрос же так и стоит, когда Вы спрашивали про книги, про обязательный список, вопрос же не только в кни-

гах, но и в институции. Если есть факультет, есть уже полная вертикаль, то, может быть, здесь уже есть возможность какая-то и молодых подтягивать, и сообщество формировать. То есть институционализироваться, а вокруг этого могут быть конференции, семинары, журналы, книги.

Целищев В. В.: Есть большие проблемы с мотивацией тех, кто идёт учиться на философов. Раньше мы брали людей в Институт из магистратуры, людей увлечённых, часто не имевших предварительной философской подготовки. А сейчас я очень разочарован в бакалаврах.

Смирнов С. А.: Да, кто идет-то? В своё время Сталина Розова пыталась делать гибридов (она любила это слово). Брали из физиков и математиков и из них два года как бы лепили философов.

Целищев В. В.: Это мы учредили ещё во времена ректорства Ю. Л. Ершова.

Смирнов С. А.: Да. Он дал возможность.

Целищев В. В.: Его сын, которому мы сильно помогли, который не очень хорош в математике, пошел по «гибридной» версии, и я оказал, как бы это сказать аккуратнее, значительную помощь в написании им диплома. Особой благодарности от родителей не имел. *(Смеются)*.

Смирнов С. А.: Вот так.

Целищев В. В.: Говоря о первоначальном импульсе в привлечении молодых людей к философии, следует признать, что он ослабел. Но, в любом случае, сейчас, конечно, это всё выродилось в очень обыденное дело...Все по Веберу, происходит «рутинизация харизмы».

Смирнов С. А.: И пока неизвестно, что делать. Согласен.

Целищев В. В.: Приходят к организации учебного процесса люди с малой культурой, которые, на самом деле, и для философии, мягко говоря, посторонние люди. И душой, и даже не то что образованием, но им профессионально не до этого. Поэтому тут много случайных людей. Вот, скажем, В. С. Диев, с которым мы сильно поссорились, потому что я не пустил его на директора Института.

Смирнов С. А.: Здесь?

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Он претендовал?

Целищев В. В.: Он не только претендовал, он был уверен в том, что станет директором. Я открыто выступил против, потому что понимал, что он принесёт с собой полное разрушение института. У Диева – математическое образование, которым он никак не воспользовался, пойдя по комсомольской линии, а затем избрав партийную работу. На должность декана факультета он попал случайно, и сама по себе эта история поучительна с точки зрения того, как начинается эта самая «рутинизация харизмы».

Смирнов С. А.: Я, если честно, сильно удивился, почему он декан философского факультета.

Целищев В. В.: А я объясню. С чего начался факультет? В 1982-83 гг. Министрство решило создать философский факультет в Сибири, и наше здешнее университетско-академическое руководство решило не свихиваться с этим. Характерно, что со мной, как с зав. отделом философии никто и не консультировался, что, впрочем, неудивительно, потому что А. П. Деревянко был ректором университета. Так что факультет уехал в Томск. Когда Ю. Л. Ершов стал ректором, ситуация стала более благоприятной, но в самом общем смысле,

пока эти благоприятные обстоятельства не переросли в решимость создать философский факультет здесь.

Ершов, если сказать несколько выпендренно, – просвещенный ректор. Его сотрудник в Институте математики, логик Климентий Федорович Самохвалов, защитивший у нас докторскую, убедил своего шефа создать что-то вроде философско-теологического факультета. В начале 1990-х религия была в почете. Оный Самохвалов стал истовым католиком, убежденным в том, что для теологического просвещения настало самое время. И они с Ершовым решили создать этакую институцию, с приезжими патерами и т. д. Напоминаю, это был 1990 год. Но одно дело – идея, а другое дело – её воплощение.

Мне позвонил Ершов (мы часто вели совместный с его отделом семинар) и сказал: «Ты не хочешь к нам присоединиться?» И я «присоединился», почувствовал, что это шанс создать что-то серьезное. Естественно, вся организация легла на меня.

Состоялось заседание Учёного Совета НГУ, которое весьма враждебно отнеслось к самой идее «религиозно-философского» факультета. Но ректор был настроен решительно, и мы получили статус «факультета на общественных началах». Через два года мы легализовались, получив первую в России лицензию на магистерское образование по философии. Всю программу я придумал, сидя на лавочке в своём дворе. Впрочем, вот два протокола заседания Учёного Совета, которые говорят, с какой враждебностью и недовольством пришлось встретиться мне. Председатель Сибирского Отделения РАН академик В. А. Коптюг на Президиуме воскликнул, что это Целищев, с ума сошёл, учреждая тут теологию? Вот у меня есть протокол заседания, держите. Можете поизучать.

Смирнов С. А.: Спасибо. Ух ты. Так это документ.

Целищев В. В.: Это протокол заседания ученого совета университета. И мы сделали его на общественных началах. К нам стали приезжать патеры: католические, протестантские. Трудно было очень, на самом деле, с русской православной церковью, но, тем не менее, мы бесплатно читали лекции, организовали приезд и досуг лекторов, и два года шла этакая безвозмездная деятельность по просвещению публики.

Смирнов С. А.: И какие при этом у вас были перспективы?

Целищев В. В.: Ершов был доволен. Его такой статус нашего общественного факультета устраивал, потому что с его точки зрения мы просвещали народ, а что еще надо? Тогда был, как вы сами знаете, к религиозным институциям и прочим духовным вещам некий пиетет.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Но я понимал, что мы должны становиться профессионально, и имел ряд бесед с Ершовым, говорил ему: «Если мы переходим к серьезному делу и готовы организовать такой факультет, то это надо делать штатно». Ершову это не понравилось. Он сказал: «Того, что вы делаете, вполне достаточно». Того, что вы, типа, вообще существуете. На что я Ершову сказал: «Тебе хорошо, для тебя – развлечение. А мы профессионалы. Мы что, будем всё время обслуживать не очень ясные духовные запросы естественников с помощью патеров?». И здесь между нами начались расхождения, в результате которых он не дал мне стать деканом. Это была очень странная ситуация, поскольку всё держалось на мне. Один из его аргументов, в общем-то обоснованных, заключался в том, что, если Целищев станет деканом, он немедленно выгонит

всех этих патеров. Так что деканом стала сотрудница Института математики, филолог, приятельница Самохвалова, отец которой, профессор гумфака, был большим другом всех патеров.

Смирнов С. А.: Эк, наворочено.

Целищев В. В.: Я всё-таки добился формальной организации факультета, что повлекло обычную организацию учебного процесса со штатными преподавателями, с зарплатой и проч. Так что патеры отпали, и первоначальная идея Самохвалова рассосалась. Возникшее напряжение с руководством факультетом стало совсем интенсивным, когда Ершов предложил на должность декана В. П. Фофанова, зав. кафедрой философии НГУ, сопротивлявшегося всеми силами созданию факультета, бывшего секретаря парткома и проч.

Смирнов С. А.: Та ещё фигура.

Целищев В. В.: Я говорю: нет. Он говорит: «Ну, а кого? Ну, давай Диева, что ли?». А Диев в это время в 1991 году приехал из Академии общественных наук.

Смирнов С. А.: А он же «ершовец»? Он же у него начинал?

Целищев В. В.: Нет.

Смирнов С. А.: Но он кандидат физ.-мат. наук?

Целищев В. В.: Он не кандидат физ.-мат. наук. Он кандидат философских наук.

Смирнов С. А.: Философских наук?

Целищев В. В.: Он кандидат философских наук. Он сделал её в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Смирнов С. А.: Ага. Вот так. Но претендовал же еще и Ю. В. Попков.

Целищев В. В.: Попков претендовал, да. Он был замдиректора 10 лет.

Смирнов С. А.: Он был заместителем.

Целищев В. В.: Он не очень инициативный человек.

Смирнов С. А.: Понятно. Ну, ладно. Спасибо. Ставим многоточие.

Целищев В. В.: Да, многоточие.

Смирнов С. А.: Спасибо большое.

Примечание В. В. Целищева: Теперь мы имеем ситуацию, когда философский факультет и институт философии противостоят друг другу. И для меня ирония состоит в том, что если первую из этих институций я практически создал, то для второй я был хранителем в буквальном смысле слова в течении 20 лет, с непрерывными намерениями и угрозами со стороны Президиума и лично А. П. Деревянко «слить» институт. Как-то директор Института философии РАН академик А. А. Гусейнов написал этакий мемуар о том, почему не любят философов. Очень дельная статья, и я не хотел бы повторять её. Но тенденция недовольства философами в нашей университетской и академической жизни является непреходящей. Но это уже совсем другая история.